

РУССКИЙ ДОМ В МЮРНАУ

В августе 1908-го год Василий Кандинский и его ученица и подруга Габриела Мюнтер , приехали в маленький городок Мюрнау, примерно в двух третях пути между Мюнхеном (70 км) и альпийским курортом Гармиш-Партенкирхе. Городок сразу пленил их своей непритязательной провинциальностью: тихими улочками, домиками, выкрашенными в разные цвета, маленькой площадью, над которой возвышалась колокольня церкви св. Николая, ну а главное , конечно, видом на Альпы, постоянно менявшие цвета, в зависимости от погоды, времени дня, освещения и вне зависимости от чего бы то ни было- просто сами по себе.

Поначалу они поселились в гостинице Грисбройхауз. Бедность обстановки их не смущала: они привыкли к неустроенности и бродячей жизни за те четыре года, что судьба связала их, сделав неудобной жизнь в Мюнхене, где у Кандинского была жена, с которой он несколькими годами раньше приехал из России, разочаровавшись в юриспруденции и решив посвятить себя искусству

Он недолго проучился живописи у одного из известных художников-Франца- фон- Штюка, но быть учеником не было его призваньем: он был учитель. "Docendo discimus" (Уча учимся) говорили древние , и он поспешил совершенствовать свое мастерство в кругу юных учеников и учениц. Phalanx, так он назвал свой кружок, свою частную школу, куда Габриела и пришла весной 1902-го года.

Поначалу он не обратил на нее особого внимания. Она не отличалась ни красотой, ни темпераментом; в ней не было ни яркости, ни броскости....Она была внимательна, прилежна, способна, пожалуй, более способна чем другие- это он заметил сразу: на ходу ловила его замечания, следила за

движением его кисти светлоголубыми внимательными глазами без улыбки... Так что не было ничего удивительного в том, что летом он пригласил ее, вместе с другими «фалангистами», на плен эйр в маленький прелестный городок Кохель в предгорье Альп, примерно в 85-ти километрах от Мюнхена.

Он не учел, а может быть не хотел учитывать того, что женщина в 25 лет это неотвратимо. Особенно, если она твоя ученица, особенно если она художница, особенно если она следит за движением твоей кисти внимательными светлоголубыми глазами.

Неизбежное произошло, хотя поначалу он пытался сопротивляться и даже попросил ее уехать из Кохеля, потому что туда должна была приехать жена, и он не мог допустить, чтобы они все жили под одним кровом.

Она уехала в Бонн к родственникам, но затем осенью вернулась в Мюнхен.

Краткая разлука сделала свое дело: он уже был в нее влюблен, начал писать записки, назначать тайные от жены встречи, называть «моя Элла», заверять, что только она... и в то же время продолжать жить с женой, потому что оставить ее одну в чужой стране, в чужом городе было бы жестоко и бесчеловечно.

... Вечная история, которая повторяется из поколения в поколение, несколько изменяясь в деталях, но сохраняя свою незыблемую основу.

Габриеле это все ужасно не нравилось: она была цельная правдивая натура. Счастье представлялось ей семейным очагом, а отнюдь не любовной игрой с женатым мужчиной, ее учителем, который был на 11 лет старше ее. Но с другой стороны этот русский учитель был так очарователен, так не похож на других, немецких учителей ... К тому же она видела как он одарен, понимала как много он может ей дать как художник... Остаться друзьями - вот тот компромисс, то обманчивое равновесие, к которому они пришли в декабре 1902-го года, промучившись осень и начало зимы и не достигнув ни близости, ни решения никаких вопросов.

Она снова уехала в Бонн, почувствовала радость освобождения от всех этих неразрешимых проблем, окунулась в родную среду и ей стало так хорошо, что как же она могла отказать Кандинскому (теперь уже Васе), когда он вновь пригласил ее, вместе с остальной группой, провести летние месяцы на плен эйре, теперь уже в Калмюнце, на северо - западе от Мюнхена.

Немалую роль в развитии их романа сыграли велосипеды. Из всех “фалангистов” велосипеды были только у нее и у него. (В то время женщина на велосипеде было вообще явление не совсем обычное. Но Габриела была эмансипированной женщиной, недаром она год прожила у родственников в Америке) Они совершали дальние велосипедные прогулки... Так или иначе, неизбежное произошло. Впрочем, я думаю, что, если бы велосипедов и не было, оно все равно бы произошло, ибо неумолим закон судьбы.

Они стали парой, что, естественно, не осталось секретом для небольшой группы девушек и юношей, из которых состояла «фаланг- шулле»

А что дальше? Лето кончилось, и надо было принимать какое- то решение. Этим решением было бегство из Мюнхена и четыре года странствия по разным городам и странам . Габриеле подарили фотоаппарат Кодак, и она увлекалась фотографией, что дает нам возможность проследить за их маршрутами и выражением лиц. Она- всегда без улыбки: в Голландии сидит на песке- ни тени улыбки, на террасе отеля в Тунисе тоже самое, с записной книжкой на скале, на диване в Дрездене, на садовой скамейке в Рапалло... выражение такое , что она принимает вещи как они есть , все делает хорошо и добросовестно, но радоваться нечему.

... Впрочем есть фотография в Севре под Парижем ,(где, кстати, жизнь их была особенно некомфортной) на которой она улыбается. Но как же тут было не улыбнуться, когда на руках она держит кота Ваську.

Может быть она была вообще не слишком улыбчива? Видимо, так. Но эти четыре бездомных года, дались ей тяжело. Повторяю, она не этого хотела: она была из благовоспитанной немецкой семьи: она хотела быть Frau

(лучше всего, конечно, Frau Kandinsky), а не вечно Fraulein Muntet.

Родственники не одобряли этот роман, знакомые шушукались, в гостиницах их не хотели селить вместе- они вечно были в бегах...И , главное, непонятно, по крайней мере, ей было непонятно, от чего и от кого они бегут. Судя по всему, жена Кандинского- Аня Чимякина была женщина разумная и спокойная; к их роману относилась достаточно лояльно, а впоследствии, когда Кандинский с ней развелся в 1911-ом году, даже уговаривала его жениться на Габриеле.

Так что, надо думать, причина бегства была в самом Кандинском. И не только в его чувстве вины перед женой, но в том, что он не мог найти опору в самом себе, он переставал себя понимать: русский художник в немецкой среде- среде, которая его привлекала, к которой он тянулся, но чувствовал в ней все же себя чужим. Он говорил: « Я хотел бы что- то, но что? Я стремлюсь, но к чему?...»

Он был неврастеник, его мучили ночные кошмары, он искал опору в Габриеле, которая в жизненных вопросах была намного разумнее и трезвее его. Хотя положение бродячей возлюбленной ее совершенно не устраивало, но в какой- то момент она поняла, что Василий нуждается в ней и оставить его она не может. Она любила его и была ему верна до того момента пока он ее не бросил,...но об этом позднее.

А если вернуться к фотографиям, то рядом с унылой Эллой всегда можно увидеть сияющего Василия. На людях он умел быть очаровательным: знакомые художники, организаторы выставок, издатели восхищались его энергией, жизнерадостностью и умением легко относиться к вещам. Они и не подозревали о его депрессиях, неврозах и ночных кошмарах.

Все переменилось, когда летом 1908- го года, во время одной из поездок в окрестностях Мюнхена, они заехали в Мюрнау. « Мюрнау- это начало! », воскликнул Кандинский. Так оно и было.

Городок и сейчас, через 100 лет, не сильно переменился: те же горбатые улочки, из которых центральная- Марктштрассе, спускается с холма,

именуясь в этой части Обермаркт, немного выполаживается, образуя центральную площадь, на которой стоит ратуша, колонна Святой девы Марии и неподалеку церковь Святого Николая, затем спускается (уже как Унтермаркт) в низину, где за окраиной города начинаются знаменитые Мюрнауские болта, которые тянутся на много километров, аж до самых Альп.

Произошло чудо- Кандинский почувствовал себя дома.

Почему Мюрнау? Что так его пленило?

Может быть атмосфера покоя и уюта, которой он был лишен за годы скитаний? Может быть главки баварских церквей, напоминающие купола русских колоколен? Может быть березы, которых много в округе? Может быть, все это вместе вызвало у него примирение с землей, казавшейся доселе чужой. А вместе с примирением пришло и узнавание в ней некоего русского начала, но начала не натуралистического, а сказочного, волшебного. Он был воспитан на русских и немецких сказках, его романтические устремления искали точки опоры. И вот этот городок в южной Баварии неожиданно оказался для него воплощением русской сказки... И. действительно, ведь, если присмотреться- все это так близко: немецкая Роткепхен (красная шапочка) спокойно разгуливает по темному русскому лесу, а русские витязи несутся по альпийским предгорьям...и вот они- замки на скальных отвесах, где в одной из келен наверняка томится царевна, вот они- глади озер, по которым того гляди поплывет Царевна – лебедь... немного воображения, в зеркалах этих озер отразятся терема и храмы...

Габриела вполне разделяла его настроения. Уже одного того, Что Вася был спокоен и доволен было для нее огромным облегчением, но и не только это- она тоже была пленена тем, что ее окружало. « Небо такое голубое и белые тонкие воздушные облака. Горы в тени темносиние, а там , где освещены солнцем, все так отчетливо видно » - писала она в дневнике.

Я думаю, что 100 лет назад гостиница- Грисброухауз, в которой, как я уже сказал, они поселились, выглядела менее фешенебельной чем сейчас.

Это была простая гостиница при пивоварне. Вскоре к ним присоединилась еще пара русских художников, с которыми они были знакомы еще по Мюнхену: Алексей Явленский и Марианна Веревкина. Сейчас, к сожалению, этих художников у нас знают мало, разве что в кругу профессионалов, а ведь это были замечательные мастера. Явленский увлекался цветом...они все увлекались цветом...его кумирами были Ван Гог и Гоген... цветовые пятна и контуры, то направление, которое во Франции получило название клуассонизмус. Он достиг в нем необычайных успехов: его картины в лучших галереях мира, а у нас... надо надеяться, что его время еще придет. Марианна Веревкина была какое то время ученицей Репина, она начала выставляться в галереях Москвы и Петербурга, когда ей было совсем немного лет (она родилась в 1860. году). Ее уже начали называть русским Рембрандтом, когда вдруг она перестала писать и не занималась этим вплоть до 1906-го года. Причина была в том, что она встретила Явленского, увидела его картины и решила посвятить себя служению гению. Вот такая это была женщина! Из всей четверки, она была единственно богатой. Ее отец русский генерал- Владимир Веревкин, был комендантом Петропавловской крепости. Когда он умер в 1896, Марианна стала получать от царского правительства огромную пенсию. А Явленский не имел ничего: он был офицер- бедный как церковная мышь. Марианна устраивала его выставки, организовывала салоны, возила в Европу, короче говоря, выражаясь современным языком, раскручивала как могла. За кисть она взялась только в Мюнхене и продолжала писать в Мюрнау. Глядя на ее автопортрет тех лет, не приходится сомневаться, что это была женщина, так скажем, самостоятельная, гордая, уверенная в себе, высокомерная...По крайней мере, такой образ самой себя она хотела создать...была ли она такой на самом деле? Трудно сказать...Во всяком случае, по дневникам - (а она вела их много лет в форме “ Lettres a un Inconnu “ (Письма к незнакомцу) этого не скажешьВпоследствии, жизнь сильно ее потрепала, но об этом позднее.

В Мюрнау Явленский и Вережкина поселились в гостинице Эхтер (Сейчас там магазин). Вечерами они часто сидели в Грисброухаузе или других пивнушках за кружкой пива или за картами и вели длинные споры о роли искусства, о метафизике цвета, о своих кумирах: Ван Гог, Гогене, Матиссе... Говорили, в основном, Вережкина и Кандинский... Марианна любила теоретизировать о иллюзорности восприятия, о том, что реальное видение мира достигается только в искусстве... Элла- как с подачи Кандинского они все называли Габриелу- была со многим не согласна, считала, что реальность не так уж и плоха, чтобы от нее надо было куда-то убегать, абстракционизм был ей не по душе... но по натуре она не была спорщицей и больше помалкивала... Явленский тоже не был особо силен в теории, да к тому же его немецкий был не на высоте, так что он в большей степени был слушатель... таким его и запечатлела Габриела: ... маленького роста, круглоголовый, с круглыми голубыми глазками... В нем было что-то детское. Его домашнее имя было Лулу... Впрочем, такая, немного смешная внешность не мешала ему интересоваться женским полом: они с Марианной путешествовали вместе с молодой женщиной- полу служанкой, полу компаньенкой и ее сынишкой Андреем, который числился племянником, а на самом деле был сыном Явленского. Так что, в личной жизни у них все было тоже не просто.... А у кого просто?

Но как художник! Никто из них так не владел цветом, не чувствовал эмоционального значения сочетания цветов: «Смотрите как агрессивен красный на фоне мирного голубого» говорил он... Габриела считала, в этом отношении, себя его ученицей, а Кандинский ревновал.

Однажды, гуляя по окраине Мюрнау, Василий и Элла набрали на летний, только что построенный дом на склоне холма. К дому вела аллея, которая тогда, как и сейчас, называлась Котмюллераллее; рядом с домом росли два дуба, под ними была лужайка. Они оба сразу же влюбились в это место. С него открывался вид на весь городок, на колокольню церкви св. Николая, а главное, конечно, на Альпы. Они сняли домик и начали его обустроить. А

обустроить было что: в доме не было ни электричества, ни отопления, ни водопровода- воду надо было накачивать помпой. Но это их не смутило: они были люди не избалованные. Зато, свой дом. Впервые за пять лет совместной жизни у них был свой дом. Правда, еще не совсем свой. Официальная покупка состоялась позднее, но это уже была чистая формальность, по сути, дом принадлежал им с лета 1908-го.

Марианна и Алексей тоже сразу оценили прекрасное положение дома и стали частыми гостями. Соседи довольно быстро окрестили его «Русским домом». Если сравнивать, как он выглядел на картинах того времени и сейчас- сто лет спустя, то убеждаешься, что почти не изменился: тот же фасад, тот же палисадник, те же два дуба, та же лужайка, тот же вид на колокольню, и уж, конечно, те же Альпы на горизонте.

Есть известная картина, на которой Габриела запечатлела Явленского и Вережкину, возлежащими на лужайке где-то неподалеку от Русского дома. Марианна отличалась пристрастием к роскошным шляпам, в одной из них она и изображена.

В доме Кандинский разрисовал все, что было только возможно: лестницу, двери, комод... Одной из любимых его тем всегда были всадники... На комоду нарисован всадник, который оборачивается, чтобы посмотреть поспевают ли за ним всадница. Правда, Габриела говорила, что, когда *этот* всадник несется вперед, он и не обернется.

Она нарисовала комнату Кандинского с ним самим, возлежащим на кровати. И сейчас легко найти то место в соседней комнате, с которого она рисовала. То же окно, та же дверь, та же дорожка на полу, та же кровать,... увы, уже без Кандинского.

Они без конца писали колокольню церкви св. Николая, которая прекрасно видна в окно одной из комнат. Габриела- в более реалистической манере, Василий- все более уходя от этой манеры, в конце концов, превратил колокольню в несколько цветных пятен. Вот он – путь к абстракционизму: еще один шаг, и поди, догадайся, как в других его композициях, где тут

всадники, где горы и кто за кем гонится. Габриела уважительно относилась к его абстрактным полотнам, но по сути это направление было ей чуждо. Она тоже рисовала цветные пятна, тоже пыталась передать внутреннюю сущность образов, игнорируя детали, но в ее полотнах всегда понятно: где дом, где гора.....

На одной из стен в столовой, много небольших картин, написанных на стекле. Это- народное тирольское искусство, с которым они познакомились в доме одного из жителей Мюрнау, который его коллекционировал. Габриела гордилась тем, что была первой из них четырех, кто овладел этим искусством и преуспел в нем.

В Мюрнау у Кадинского обнаружилось качество несколько, казалось бы, неожиданное для него, как для исконного горожанина и интеллектуала - любовь к земле и работе на ней. Он с удовольствием копал грядки, выращивал овощи, знал в этом толк, любил угощать картошкой со своей грядки и салатом со своего огорода.... Есть фотография- Кадинский в саду Русского дома с лопатой. Она напоминает известное фото Пастернака на Переделкинской даче. Правда, у Пастернака лицо человека, который был занят, а его окликнули, и он поднял голову, чтобы посмотреть в чем дело, а у Кадинский явно позирует перед фотоаппаратом, к чему у него видимо всегда была склонность. Кстати, этих художников объединяла не только любовь к земле, у них был еще общий герой- Георгий Победоносец. Тема всадника, побеждающего змею, проходит по многим полотнам Кадинского.

Интересно, что этот образ в какой то мере является символом Мюрнау: мы видим его скульптурную фигуру на центральной площади города....И Пастернаковский Юрий Живаго несет в себе образ рыцаря, спасающего деву: «...И увидел конный, и припал к копыю, голову дракона, хвост и чешую...Посмотрел с мольбою всадник ввысь небес и копые для боя взял наперевес...»

Явленский был во многих отношениях противоположность Кадинскому: он терпеть не мог заниматься огородом, копать грядки, носить воду. Он

вообще не мог понять как можно заниматься этой ерундой, когда тебя окружает такая красота, и все силы надо отдавать на то, чтобы ее воспринимать и запечатлевать. Наверно, в этих воззрениях его укрепляло и то, что царская пенсия, которую получала Марианна, избавляла его от необходимости всем этим заниматься. В отношении спасения девицы, я думаю, он тоже торопиться бы не стал. Лулу был созерцатель.

Неподалеку от Русского дома проходило (да и сейчас проходит) железнодорожное полотно, соединяющее Мюнхен с альпийским курортом Гармиш- Партенкирхе. Однажды трое художников (Габриела почему- то не приняла участие) уселись на железнодорожной насыпи с целью, каждый в своей манере, запечатлеть мчавшийся мимо поезд. Лучше всех это, видимо, удалось Кандинскому, потому что его поезд и сегодня мчится по картинным галереям и репродукциям.

Официальная покупка дома произошла 21-го августа 1909- го года. Оформлена она была на имя Fraulein Munter. Покупку отпраздновали в ресторане « Роза » на берегу прекрасного Штафельзее, где они так любили купаться, кататься на лодках, ну и, конечно, рисовать. В праздновании приняли участие гостившие тогда в Мюрнау сестра Габриелы с мужем и дочкой, ну и, конечно, Марианна и Алексей.

Этим празднованием завершилось счастливое для всех лето 1909- го года.

Марианна Веревкина как многие знатные дамы аристократического происхождения, причастные искусству и покровительствующие какому- ни будь дарованию, держала в Мюнхене салон. Посещать чаепития в этом салоне считали за честь многие поэты, артисты, философы , музыканты, ну и, конечно, художники. Бывало там и много русских: например, композитор Томас Хартманн и его жена- певица Ольга, знаменитый русский танцор Александр Сахаров; бывало там и много «нужных людей»: организаторов выставок, директоров галерей и т д.

Так уж повелось, что карьере многих выдающихся деятелей искусства способствовали салоны, организованные почитательницами их таланта: женами, а чаще подругами. Вспомним, например, салон в Париже на авеню Хош, который держала аристократка Мадам Арман де Кайаве и в котором блистал, а заодно и заводил нужные связи Анатоль Франс.... Гости собирались каждое воскресенье к пяти часам, и в какой то момент вечера Мадам обращалась к нему с ритуальной репликой: «Monsieur, racontez donc...» (Месье, расскажите же....)

Конечно Явленский был не Анатоль Франс и дар рассказчика был ему едва ли присущ , и тем не менее салон был создан ради него и работал на него.

Марианне же принадлежала идея придать некий статус колонии художников в Мюрнау- создать творческое объединение, к которому присоединился еще ряд художников из разных городов Германии, например Альфред Кубин (Bohmen) и другие. Она, конечно, хотела чтобы этим объединением руководил Явленский, но Лулу отказался. в известной степени, по той же причине, по которой отказывался от участия в садовых работах в Мюрнау- его отталкивало все, что отвлекало от живописи.

В результате, председателем объединения стал Кандинский, которому, кстати говоря, для этой ролигодились его юридические познания . Объединение имело аббревиатуру, от которой советский человек мог бы поежиться: НКВ- Слава Богу- М (Neue Kunstlervereigung Munchen) В его задачу входило организация выставок, аренда помещений, поиск спонсоров и другие функции, которые неизбежны в ситуации, когда искусство перестает быть всего лишь способом самовыражения, личного общения с чем- то, чему придумано столько названий, что перечислять их скучно и бесполезно и превращается в некое общественное поприще , которое приносит художнику славу, насмешки, успех, снисхождение, а в конечном счете, как правило, забвение... Вот этим он и занялся.

Первая выставка открылась в галерее Танхаузер 1 декабря 1909-го года. Приговор посетителей был единодушен: « кривлянье, блеф, извращение,

полное безумие! » Так были встречены картины, которые потом стали украшением лучших галерей мира.

Впрочем, были и исключения. К ним относился художник Франц Марк, который летом жил с женой Марией (то же художницей) в деревне Зиндельсдорф неподалеку от Мюрнау. Он был высокого роста, темноволосый, смуглый, более походивший на римлянина или испанца, чем на немца. Марк рисовал животных, но не был анималистом в обычном смысле слова. Через образы зверей он пытался выразить себя и свое видение мира. В этом видении, краски в их символическом значении играли существенную роль, что и сблизило его с другими художниками НКВМ, членом которого он к моменту выставки уже был. Его знаменитый Синий конь стал как бы визитной карточкой «Синего всадника», о котором речь пойдет дальше. Правда, этому Синему коню не повезло: он чем-то не понравился своему творцу и тот порвал его и использовал для обивки крыши. Картину обнаружили только в 1936-ом году и по кускам восстановили, но в это время Марка уже 20 лет не было на свете.

В 1911 году к их кругу присоединился еще один художник, стремящийся уйти от академической живописи и создать свой собственный стиль. Это был живший в Бонне Август Маке, самый молодой из всех них, ему было 24 года.

Позволю небольшое личное отступление, чтобы рассказать как возник у меня интерес к дому в Мюрнау и всему, что с ним связано. Много лет назад я приехал в Мюнхен, где гостил у своего племянника, жившего на улице Gabriella Мюнтер. Имя это было мне незнакомо, но сходя в Ленбаххауз, я увидел ее картины, которые произвели впечатление, и не только увидел картины, но и посмотрел короткий фильм, где уже очень немолодая Габриела Мюнтер рассказывала о своей жизни с Кандинским в Мюрнау. На картины других художников этой группы я почему-то особого внимания не обратил, а абстрактные полотна самого Кандинского мне никогда не нравились.

Спустя какое-то время, в картинной галерее в Кельне, я увидел автопортрет девочки с косичками, который принадлежал Марианне Веревкиной. Такой фамилии я уж точно никогда не слышал и подумал о том как много есть русских художников, которых я совсем не знаю. В подтверждение этому, я обнаружил там же картины Явленского, фамилия которого вызывала у меня только одну ассоциацию- Григорий Явлинский, бывший тогда у всех на слуху.

Но кто, действительно, произвел на меня впечатление был Август Маке, которого я поначалу принял за француза и читал фамилию как Маке'. Меня потрясли краски, которыми он передавал свой несколько декоративный мир: сцены в зоологическом саду, в ресторане, в шляпном салоне...Его упрекали в буржуазности, в успокоенности...Жизнь готовила ему совсем другое...Именно с него началось мое увлечение « Синим всадником»

В 1911- ом году произошло еще одно важное знакомство. Кандинский и Марк побывали в Мюнхене на концерте, где исполнялись произведения Арнольда Шенберга: струнный квартет (оп. 10) и произведения для фортепиано (оп. 11) В музыке Шенберг был, в каком- то смысле, похож на Кандинского. Он старался уйти от традиционного музыкального письма и создать новый музыкальный язык. Музыка Шенберга произвела на Кандинского большое впечатление и под этим впечатлением он написал одну из своих знаменитых абстрактных композиций. Между ними завязалась переписка, а в конце августа по приглашению Кандинского и Мюнтер Шенберг с женой посетили Русский дом в Мюрнау и совершили пешую прогулку в Зиндельсдорф, где познакомились с Францем Марком и его женой..

Шенберг был не только композитор, но и художник, и теоретик искусства, и хотя к его живописи Габриела относилась несколько скептически, но в целом он несомненно был « их человек».

В сентябре того же года возникла идея создания альманаха, в который, помимо работ уже известных нам художников, предполагалось включить картины ряда знаменитых французских импрессионистов. В алфавитном порядке это выглядело примерно так: Делоне, Гоген. Кандинский, Кле, Кокошка, Кампендонк, Марк, Матисс, Мюнтер, Сезанн и другие имена. Не слабая компания! Предполагалось, что, наряду с репродукциями картин, в альманах войдут и теоретические работы о сущности нового искусства.

Название альманаха было найдено почти сразу. Кандинский хотел, чтобы сущность альманаха олицетворялась какой- ни будь фигурой, а наиболее близкой ему фигурой был всадник, несущий весть о наступлении новой эры- эры победы духовности над материальностью- таким мыслился ему 20-й век. Марк согласился с этим и сказал, что для предвестника новой эры- посланника, герольда- наиболее соответствующим цветом, является синий. Так 20- го сентября 1911-го года появился «Синий всадник».

Впоследствии название альманаха распространилось и на все объединение художников, к которому, помимо уже названных: Кандинского, Мюнтер, Явленского, Веревкиной, Марка, Маке и Шенберга принадлежали так же Кампендок, Клее, Кубин и временами кто то еще. В результате, НКВМ умерло, а Синий всадник родился.

Выставки Синего всадника стали проходить в разных городах и имели значительно больший успех чем первая выставка НКВМ. Художники начали приобретать европейское, а потом и мировое признание.

Нельзя сказать, что отношения между ними всегда складывались благополучно. Было всякое. И в первую очередь, конечно,- обиды друг на друга. В частности, многих раздражало, что Габриела брала на себя, как бы от лица Кандинского, выбор картин для той или иной экспозиции. Может быть не всегда выбор ее был безупречен: так она отвергла картину тогда еще малоизвестного, а впоследствии знаменитого Оскара Кокошки.- представителя австрийской школы – secession. Она отвергла так же несколько картин Августа Маке, что привело к тому, что отношения между

ними испортились на всю жизнь. Обижался на нее и Франц Марк, и эта обида сказалась и на его отношениях с Кандирским. Но в какой-то момент он решил не усугублять конфликт и написал Кандинскому очень дружеское письмо, подписавшись «Сердечно, 2×2 Фр. Марк» (4.06. 1913)

Приближался 1914-й год. Несмотря на разного рода личные трения, все художники этой группы воспринимали наступивший 20-й век как век взлета духовности, призванного воплотиться в новой живописи, новой музыке и новом понимании смысла и предназначения искусства. Символом этого взлета был всадник, летящий над миром- посланник небес, глашатый, герольд... Увы, они заблуждались: всадник, который летел в то время над миром, был совсем не синим- это был черный всадник Апокалипсиса.

Весной 14-го года Габриела сняла для Шенбергов дачу неподалеку от Русского дома. Шенберг играл для них свои новые произведения, в частности, «Песню лесного голубя». 31-го июля они вместе гуляли и намечали на следующий день прогулку на Штафельзее. Это была пятница, теплый летний вечер... Шенберги проводили их по Котмюллераллее до калитки Русского дома, и, когда Кандинский входил в этот дом, едва ли он мог представить, что делает это в последний раз в жизни.

1-го августа началась война, и всем русским, проживающим в Германии, было предписано до 3-го августа покинуть страну. Кандинский и Мюнтер срочно выехали в Мюнхен, а затем, побросав почти все вещи, в битком набитом вагоне двинулись в Линдау, чтобы оттуда на пароме переехать в Швейцарию.

Такая же участь постигла Явленского и Веревкину, которые вместе с Еленой и маленьким Андреем, не имея возможности взять с собой не только мебель или картины, но даже кошку, выехали в Швейцарию и поселились в маленьком городке Сан-Пре. Последовавшая за войной Октябрьская революция лишила Марианну царской пенсии, в результате чего вся

компания, которую она, по сути, содержала, оказалась без гроша. Они переехали в Аскону, что на берегу Лаго Маджоре, но жили там сравнительно недолго.

Бедный Лу Лу, они его все достали: Елена больше не хотела быть рабой у обедневшей Марианны, а хотела быть законной женой; Андрей больше не хотел быть племянником, а хотел быть законным сыном; Марианна не хотела слышать ни о какой законности... А он хотел только одного- чтобы его оставили в покое и дали возможность заниматься тем единственным, что он любил и что умел – рисовать.

В результате он уехал с Еленой и сыном в Висбаден, где, судя по всему, не был счастлив. Он тосковал по Марианне, которая столько лет была ему и матерью, и нянькой, и, как бы сейчас сказали, спонсором. Он писал ей, она не отвечала, зная что она нищенствует, посылал деньги, она швыряла их ему назад... Она не простила измены, хотя много лет мирилась с присутствием Елены и Андрея... Но, женившись на Елене, он перешел некую грань условности, хотя клялся, что делает это только ради сына и что в их отношениях ничего не переменится... она его не простила; они больше никогда не виделись... Марианна прожила в Асконе еще много лет и, освободившись от опеки над Явленским, написала свои лучшие работы, которые собраны в ее галерее в этом маленьком городке.

О жизни Марианны в Асконе написана прекрасная книга немецкой писательницей Барбарой Краузе- « Синяя птица в моей руке» (“Der blaue Vogel auf meiner Hand “), мне нет необходимости ее пересказывать. Только несколько слов. В своих « Lettres a un Inconnu » Марианна называла этот период, когда, чтобы заработать на жизнь ей приходилось заниматься распространением лекарств, а чтобы согреть жилье- собирать в лесу хворост, самым счастливым в жизни. Она очень много работала, была любима всей Асконой, имела титул не баронессы фон Веревкин, как в Мюнхинские времена, а – Асконской бабушки. На ее похороны в феврале 1938 года

пришла вся Аскона, и с похорон шли рядом русский священник и протестантский пастырь.

Черный всадник не пощадил никого. Август Маке был убит в первые месяцы войны. Франц Марк пал в 1916- он году в битве за Верден от рук тех самых французов, искусством которых он так восхищался. Остальных судьба разбросала по миру.

Кандинский и Мюнтер жили осенью 1914- го года в Швейцарии, в Мариенхалле, а зимой 1915-го года Кандинский вернулся в Россию. Они встретились еще раз в Стокгольме в 1916-м году, где у него была выставка и расстались навсегда.

В послереволюционной России Кандинский был окружен почестями, он занимал важные посты: член комиссариата Народного искусства, профессор СВОМАС, ИНЧИК....но эти величественные и малопонятные аббревиатуры не смогли удержать его в стране и в 1921 г. он с молодой прелестной женой, профессорской дочкой- Ниной Андреевской приехал в Веймар, в Баухауз, куда его пригласили преподавать. Он больше никогда не видел свой Русский дом в Мюрнау.

Габриелла, поняв, что Василий для нее потерян, вернулась в Мюрнау, где пережила и приход нацистов, и организованную ими в Мюнхене в 1937-ом году издевательскую выставку, названную « Дегенеративное искусство» (Entartete Kunst), где были собраны работы почти всех мастеров, не соответствовавших эстетике третьего Рейха: Кандинского, Марка, Кокошки, Кирхнера, Барлоха, Шагала... Туда попала и знаменитая картина Марка- « Башня синих коней »- олицетворение гордости и могущества личности. И ее эти идиоты посчитали «Дегенеративным искусством». Правда, через какое- то время картина бесследно исчезла с выставки- говорили, что офицеры, воевавшие вместе с Марком , настояли на ее изъятии....Габриела пережила и вторую мировую войну- нищету, голод...она пережила Кандинского, Явленского, Веревкину... Она стала свидетельницей своего

растущего успеха, своего признания как замечательной художницы... Она не вышла замуж, но у нее был друг- тонкий и умный искусствовед Иоханес Эйхнер, который стал, по сути, первым исследователем совместного творчества Кандинского и Мюнтер. Последние годы они жили вместе и похоронены в одной могиле...она пережила и его. Она была мудрая женщина, и хотя обида на Кандинского, за то, что тот ее бросил, не прошла, она всегда отдавала должное его таланту художника

Черный всадник преследовал Синего и после первой мировой войны: жена Августа Маке- Элизабет , через несколько лет после гибели мужа, вышла замуж за его друга; в 1939 году нацисты замучили его в концлагере; семнадцатилетний сын ее и Августа умер от скарлатины... Недавно я прочел в Интернете, на сайте родственника Кандинского, составившего генеалогическое древо его семьи, что бандиты проникли в виллу под Парижем, где жила уже 90- летняя Нина Кандинская, убили ее , ограбили весь дом, только не тронули висевших на стенах картин, не понимая, какую ценность они представляют.

Почти никто из основных членов группы не оставил потомства: ребенок Кандинского умер в детском возрасте, ни у Мюнтер, ни у Веревкиной, ни у супругов Марк детей не было. Но из того же интернета, я узнал, что в Швейцарии, в Локарно, что на Лаго Маджоре, живут две внучки Алексея Георгиевича Явленского.

Судьба наследия Кандинского и Мюнтер, в каком- то смысле, соответствует их взглядам на жизнь и искусство. Кандинский видел мир как нечто непостоянное, иллюзорное, все время меняющее формы и краски, абстрагированное, не закрепленное в какой- то точке времени и пространства. Мюнтер тоже запечатлевала свой мир в виде красок и форм, абстрагируясь от реалистических деталей. Но мир этот значительно более статичен, предметы в нем всегда узнаваемы, привязаны к определенному времени и месту, и местом этим часто является маленький городок в южной Баварии - Мюрнау.

Кандинского знают все, его картины в лучших галереях мира, и, тем не менее, нет ни одного места, где имя его было бы сфокусировано. В России нет ни одной постоянной экспозиции его картин, места, связанные с его жизнью почти нигде не отмечены, разве что в Москве в Долгом переулке (улица Бурденко) на доме № 8/1 висит доска, свидетельствующая о том, что здесь с 1915- 1921 года жил Василий Кандинский... в Мюнхене на доме 36 по Ейнмиллерштрассе, где он и Мюнтер жили так долго, нет вообще никакой доски. Ничего не знаю ни про судьбу его дома под Парижем, ни про его могилу... Будут силы- съезжу, разузнаю.

Мюнтер не так знаменита как Кандинский, хотя в Германии ее называют великой немецкой художницей, но в ее доме в Мюрнау сфокусировано все, что связано с творчеством не только ее самой, но и всего Синего всадника. Вот они, краски окружающего ландшафта; вот он, маленький городок с разноцветными домиками и горбатыми улочками; вот, колокольня церкви святого Николая; вот два дуба у дома, который сейчас уже никто не называет Русским, но Мюнтерхауз, как его когда- то окрестил Иоханес Ейхнер- его знают все.

.....

Несколько лет тому назад мы с приятелем заехали на автомобиле в Мюрнау, про который я уже к тому времени кое- что прочел. По дороге- мы ехали с австрийского горнолыжного курорта Мейерхофен в Мюнхен- я рассказывал приятелю про Синего всадника, про дом, в котором жили Мюнтер и Кандинский и про всякое другое, что успел узнать

Дорога при подъезде к Мюрнау шла в низине мимо Мюрнауских болот, и вдоль нее росли старые березы. Я подумал, что может быть они были для Василия Васильевича одной из примет России, которая делала более домашней южную Баварию. Мы остановились на бензоколонке при въезде в город, и тут приятель задал мне вопрос, на который я не смог ответить: а что

сохранилось из всего, о чем я рассказывал? Есть ли, вообще, какие- ни будь памятники жизни здесь Кандинского?

Мы решили заехать в городскую справочную, но все же, уходя из маленького кафе на бензоколонке, я решил, на всякий случай, спросить на своем ломаном немецком, буфетчицу- не знает ли она что- ни будь о русском художнике, который когда то здесь жил? Каково же было мое изумление, когда женщина, не задумываясь, спросила : Мюнтерхауз? И объяснила как туда проехать (кстати, мы находились совсем рядом)...его знают все.

Габриела похоронена на кладбище при церкви святого Николая, на высоком месте, с которого хорошо виден ее дом, весь городок и мерцающие на горизонте Альпы. И, когда с этого места смотришь на , когда- то «Русский дом», то с дистанции времени, отвлекаешься от трагических судеб многих работавших здесь художников и начинаешь думать, что , действительно, когда- то над этим местом, а может быть и над всем миром пролетал Синий всадник.

10. 08 2008

Рижское взморье. Апшудиемс.

© 2009 by Vladimir Skrebitsky - All rights reserved.